

Н.И. Музафарова

Религиозные организации в условиях Российской революции

В статье рассматриваются принципиальные позиции основных конфессиональных организаций в условиях революционных катаклизмов России. Показаны процессы взаимоотношения РПЦ, мусульманских и сектантских организаций с государственными органами в целях адаптации и сохранения социального статуса в новых условиях.

Ключевые слова: революция; Русская православная церковь (РПЦ); исламские организации; сектанты; закон о свободе совести.

В 1917 году произошли радикальные изменения во всех сферах жизни страны. Сложными и трудными явились взаимоотношения новой власти с конфессиональными организациями. До революции Русская православная церковь (РПЦ) занимала в системе государственных структур ключевые позиции в сферах идеологического воздействия на народные массы, образования, воспитания, записи актов гражданского состояния и др. Большинство религиозных организаций, функционирующих на территории России, имели статус юридического лица и обладали значительной собственностью в виде материального, экономического и финансового капитала.

Отречение императора Николая II в ходе Февральской революции привело к изменению политического положения в стране, а вместе с тем и статуса РПЦ. Временное правительство, учитывая симбиоз Церкви и самодержавия, ограничило православную церковь в ее действиях. Временное правительство поставило новых людей на высшую должность РПЦ: обер-прокурором Священного синода вначале назначили В.Н. Львова, а через три месяца — А.В. Карташова. Новоявленные министры увольняли неугодных правительству церковных иерархов, изымали церковно-приходские школы (в общей сложности около 37 тысяч) из Духовного ведомства и передавали их в ведение Министерства просвещения. В июле 1917 года Временное правительство опубликовало «Закон о свободе совести», в котором заявляло о праве религиозного самоопределения всех людей с 14 лет или индифферентного отношения к религии. Заметим, в западных странах

подобный закон был провозглашен в период буржуазных революций. Закон о свободе совести утверждал равенство всех религий, предоставлял свободу вероисповедания или неприятия религии всем гражданам России в условиях нового политического режима.

Принципы свободы совести означали отстранение религиозных учреждений от вмешательства в государственные дела при сохранении статуса юридического лица конфессий и свободного их функционирования для удовлетворения интересов верующих разных вероисповеданий. В России религиозный вопрос приобрел остроту в силу специфики ее политического, экономического и социального развития. Поэтому проблемы взаимоотношения религии, государства и верующих затрагивались в ходе революционных событий и окончательно были решены после установления советской власти.

Расслоение общества, возникновение многочисленных политических партий с программными установками на переустройство государственно-общественной жизни органически включали изменения положения религиозных организаций. Буржуазные партии высказывались за осуществление принципов свободы совести и равноправие всех конфессий аналогично опыту буржуазных реформ Запада. Социалистические партии требовали проведения принципов свободы совести с ограничением функций духовных учреждений, а большевики считали необходимым искоренить религию как чуждую социализму идеологию. Монархические партии оставались на позициях официальной народности, суть которой выражалась в алгоритме «Православие, самодержавие, народность», разработанному министром просвещения С.С. Уваровым в период правления императора Николая I. С отречением царя Николая II официальная идеология и привилегированное положение Русской православной церкви закончились.

В августе 1917 года РПЦ созвала Поместный собор для решения вопросов своего дальнейшего функционирования в условиях создавшегося положения в стране. Собор не созывался почти 200 лет после упразднения Петром I должности патриарха. На соборе обсуждались стратегические и тактические вопросы поиска путей сохранения церкви в стране. Участники собора высказывали разные мнения в зависимости от поддержки политической позиции той или иной партии. Единодушным было мнение об изыскании возможности сохранения функций РПЦ. Поместный собор главной задачей объявил «укрепление клира с паствой, проявление заботы о Церкви и верующем русском человеке, болеющем за судьбы страны — Святой России» [5: с. 383]. Участники собора — архимандрит Илларион, протоиерей Шавельский, князь Е.Н. Трубецкой — заявили о необходимости консолидации сил и поддержке предстоящего Учредительного собрания, на который возлагали большие надежды.

Исторически важным решением Поместного собора явилось восстановление должности патриарха. Это было обусловлено необходимостью преодоления нарастающего раскола и кризиса РПЦ в условиях ее секуляризации.

Патриархом собор избрал митрополита Московского и Коломенского Тихона (Василия Ивановича Белавина (1865–1925)). Тихон — известный богослов, окончил Петербургскую духовную академию (1888), а в 1891 году принял постриг под именем Тихона Задонского. Он знал несколько языков, переводил богословские тексты на французский, английский и другие языки, ратовал за единение православной церкви в силу возникших разногласий с «богостроителями», «богоискателями» и растущим неверием.

Официальная интронизация патриарха Тихона проходила в ноябре 1917 года в период резких изменений социально-политического положения в стране в связи с установлением советской власти. Учитывая ситуацию, патриарх изложил свое «кредо» — пастырское видение служения Церкви и православному народу. Он говорил: «Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину!.. Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях российских, и предстоит умирание за них во вся дни... Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня... по жребию Божию» [6: с. 118].

Отношения религиозных конфессий с советскими органами носили напряженный характер, поскольку вопрос заключался в возможности существования религии в социалистическом государстве. Духовенство старалось адаптироваться к новым условиям, найти компромисс с советской властью, но в силу трудности согласования действий с революционными фанатами порой переходило к силовым методам противоборства. Иерархи Церкви уповали на Учредительное собрание, надеясь на установление легитимной власти, отвечающей интересам большинства православного народа и духовенства. Однако Учредительное собрание было разогнано советскими органами, не решив возложенные на него историей задачи.

Пришедшая к власти партия большевиков взяла курс на преодоление религиозных воззрений народа и распространение социалистического мировоззрения. Теоретические положения исходили из марксистско-ленинского определения религии как опиума народа, «духовной сивухи». По мнению некоторых ученых, истоки непримиримой позиции коммунистов к религии находились в раннем христианстве, провозгласившем постулаты равенства, братства, взаимопомощи, добра, справедливости, сострадания (концепции «христианского социализма»). Н.А. Бердяев объяснял оппозиционность большевиков к религии процессом естественного развития общества и РПЦ. Он указывал на клерикализм самодержавия, отмечал противоречивость Церкви как социального института, которая, постепенно перерождаясь, изменила первоначальным заветам и стала на путь греховности, несправедливости, оправдывая зло и насилие господствующих структур. Это привело к возникновению оппозиционных антирелигиозных настроений [2: с. 139–140].

Под влиянием революционных событий в народе проявлялся протест клерикальной власти, что привело к стихийным антирелигиозным выступлениям.

На этой волне большевистская партия стала проводить политику воинствующего атеизма. Первоначально борьба носила идеологический характер, но вскоре была перенесена в практические действия, которые сопровождались насильственным закрытием и разрушением богослужебных помещений, уничтожением религиозных аксессуаров, представлявших собой памятники культуры, гонением верующих и репрессиями духовенства.

Патриарх Тихон пытался установить лояльные отношения с Советской властью и сохранить социальный статус церковных институтов. В ноябре 1917 года православные иерархи во главе с Тихоном создали комиссию, которая, представив конкретные факты, обратилась к советскому правительству прекратить «разнузданные» действия и злодеяния революционеров по отношению к церкви, верующим и духовенству. Вместе с тем патриарх обратился к пастве с воззванием «Ко всем чадам православной Российской церкви», в котором призывал верующих воспротивиться проводимым мероприятиям советской власти. В действительности в отдельных регионах страны наступление на Церковь проводилось методом «бури и натиска» под воздействием революционной эйфории, которой была подвержена часть общества. Противоборство верующих и духовенства, с одной стороны, и революционных слоев населения — с другой, привели к поляризации сил, остро проявившейся в ходе Гражданской войны. В рядах белой армии создавались отряды верующих и священнослужителей разных вероисповеданий с соответствующей символикой (Белого креста, Зеленого знамени и др.).

Религиозная политика советской власти органически вплеталась в проводимые преобразования во всех сферах общественной жизни и фактически соответствовала принципиальным положениям отделения церкви от государства. Декретом «О земле» уничтожалось церковное и монастырское землепользование. «Декларация прав народов России» (ноябрь 1917 года) упраздняла господствующее положение РПЦ и отменяла всякие национальные и религиозные ограничения. Изданное в дополнение к Декларации обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» объявляло, что верования мусульман, их обычаи, национальные и культурные учреждения свободны и неприкосновенны [3: с. 114].

Постановление «О передаче дела воспитания и образования из Духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению» (декабрь 1917 года) вводило светскую систему обучения и воспитания, сохраняя при этом существующие учебные заведения со штатами, движимым и недвижимым имуществом. Важную роль сыграли принятые декреты ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния», которые лишали религиозные организации государственных функций делопроизводства. Приказ Народного комиссариата по военным делам (январь 1918 года) упразднял военное духовное ведомство. Одновременно Народный комиссариат призрения прекращал выдачи средств на содержание церквей и духовенства [8: с. 33].

Названные декреты и постановления лишили религиозные организации частной собственности, ряда государственных функций, прав юридического лица. Итоговым документом, регулирующим положения религиозных конфессий в условиях советской власти, явился декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (опубликован 23 января 1918 года). Декрет провозглашал принципы свободы совести, а религиозным организациям отводил место добровольных объединений верующих и духовенства. Для удовлетворения культовых потребностей населения предусматривалось использование храмов и находящихся в них аксессуаров. Однако в реальности храмы национализировались и закрывались, а их имущество изымалось, что противоречило объявленным положениям свободы совести. В связи с этим Священный синод и патриарх Тихон призвали верующих и духовенство препятствовать действиям «сатанинской» власти большевиков. В послании Тихона (январь 1918 года) говорилось о тяжелом положении «в русской земле», гонениях «на истину Христову», содержалось обращение к православным «взять меч и утвердить порядок по указанию Божии Церкви» (ГМИРА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 126. Л. 1–3).

Столкновение интересов верующих и революционеров в перипетии классовой борьбы вызвали необходимость принятия нормативных актов и инструкций по тактичному проведению декрета о свободе совести, не оскорбляя религиозных чувств. К таковым относится инструкция «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (24 августа 1918 года). В инструкции четко определялись действия по реализации принципов свободы совести, предоставляющих право свободного вероисповедания верующим в храмах, переданных на договорных условиях.

Советская власть пошла на уступки сектантским организациям, учитывая, что большинство из них при самодержавии относились к числу гонимых. Вопрос об отношении к сектантству требовал дифференцированного подхода, однако в рассматриваемый период не было возможности вникать в его социальные направления. Изучением сектантства занималась РПЦ, чтобы оградить паству от его влияния. Профессор богословия А. Куляшов провел аналитическое исследование сектантских конфессий на основе культово-богословских воззрений и разделил их на рационалистические и мистические [5]. К рационалистическим группам он отнес адвентистов, духоборов, молокан, штундо-баптистов, пашковцев, иеговистов. Ко второй, мистической, группе были отнесены хлысты, скопцы, малеванцы, лубковцы, еноховцы, иоанниты, прыгуны, мормоны, шалапутство. Данная классификация не выдерживает критики с позиций вероучения и культовых обрядов. Тем не менее для православных священнослужителей и чиновников духовного ведомства она служила информативным материалом.

В 1920-е годы появились работы советских исследователей по сектантству, отражающие их действия с сугубо классовых позиций. Руководителями сект — пресвитерами — обычно становились представители имущих слоев,

что определяло гражданские позиции последователей той или иной конфессии, а чаще просто конкретного объединения. Этим объясняется, что в годы Гражданской войны в армии белогвардейцев создавались отдельные отряды сектантов Святого Креста, Белого Знамени и др. Чтобы нейтрализовать рядовых верующих советское правительство пошло на уступки сектантам.

Декретами РСФСР (4 января 1919 года и 14 декабря 1920 года) сектанты освобождались от воинской повинности [3: с. 282]. Более того, им предоставлялась возможность создавать трудовые артели. Данные постановления импонировали населению, что привело к существенному росту сектантских организаций, равно и числа создаваемых артелей. К примеру, до революции в России было около 500 тыс. сектантов, а к середине 1920-х годов их насчитывалось до 3 млн (РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 119. Л. 10). Е.М. Ярославский объяснял рост сектантства тем, что в первые годы советской власти оно «захлестнуло середняка с его стремлениями отказаться от воинской повинности и налогов» (РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 9. Л. 13). Вхождение в сектантские организации разных страт привело к созданию наряду с реальными трудовыми объединениями ложных трудовых артелей, которые вели подрывную деятельность против советской власти. Активность по созданию сельскохозяйственных артелей проявляли евангелисты, баптисты, адвентисты и ряд старообрядческих сект. В целях адаптации к новым условиям некоторые сектантские артели заявляли о готовности вступить в партию большевиков (к примеру, секта лубковцев «Новый Израиль»).

В своей деятельности сектантские организации использовали разные методы. Баптисты и евангелисты заявляли о тождестве своих морально-этических установок с идеалами коммунизма. Акцентировали они внимание на науке. Генеральный секретарь Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов А.М. Бычков говорил: «Наука занимается изучением окружающего мира; она постигает тайны макромира, то есть космоса, вселенной; и микромира, то есть не видимого невооруженным глазом мира — строения атома и т. д. ... Законы природы убеждают нас верить в Бога, Который управляет вселенной» [1: с. 58]. Подобные мысли высказывали многие пресвитеры, вербуя молодежь. Баптисты и евангелисты использовали в целях привлечения такие формы и методы, как организация кружков кройки и шитья, хорового пения, комитетов взаимопомощи, женотделов, своеобразных читален для проповеди своего учения.

Для изучения сектантского движения из центра в регионы страны были направлены ответственные идеологические работники Ф.И. Путинцев и Е.А. Тучков. Они собрали значительный материал, выявили методы вербовки молодежи, обратили внимание на создание детских и юношеских кружков, проведение литературных вечеров, новых праздников, аналогичных советским (День урожая и др.). Сильной стороной прозелитизма сект было воздержание от алкоголя, курения, сквернословия и других пороков. Руководители

евангелистов — И.С. Проханов и его последователь Я.И. Жидков — ориентировали своих адептов на нормализацию отношений с советской властью. На X Всесоюзном съезде евангельских христиан (1927) они настаивали на выполнении гражданских обязанностей. В дальнейшем баптисты и евангелисты признали необходимость исполнения воинской службы (на трудовом фронте). Близкие по своим канонам секты объединились в 1945 году как Церковь евангельских христиан-баптистов.

Итак, политика советского государства была направлена на установление лояльных отношений с верующими разных конфессий и вовлечение их в социалистическое строительство.

С течением времени религиозная политика большевистской партии набирала обороты, детерминировалась из программных установок построения социализма и потому предусматривала освобождение людей от тотального воздействия религии. Большая часть населения страны исповедовала православие, поэтому реализация декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» касалась прежде всего РПЦ. Заметим, и осуществление декрета в полном смысле затянулось в связи с обострением Гражданской войны. Вопреки правительственной инструкции о лояльном отношении к чувствам верующих декрет проводился с явными правонарушениями. Революционные фанаты доходили до абсурдных методов ущемления чувств верующих: заколачивали двери церквей, разрушали богослужебные помещения, на глазах верующих сжигали иконы и другую церковную утварь. В связи с подобными действиями патриарх разослал послание (1.02.1918), в котором призвал паству «силой веры и всенародного возмущения пострадать за дело Христово и защитить Церковь» (ГМИРА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 97. Л. 1–3). Осуждая действия антирелигиозников и властных структур, он произнес анафему в адрес большевиков и комсомольцев за нарушение принятых советской властью принципов свободы совести. Вместе с тем в многочисленных обращениях патриарх призывал народ преодолевать изнурительные войны и губительную смуту, проникнуться христианской любовью и верой ради общественного и государственного блага.

Давление со стороны новых органов власти, порожденных революционными событиями 1917 года, испытывали исламские конфессии, по численности своих последователей занимавшие второе место после православия. На протяжении многих веков мусульмане находились под прессингом со стороны правительства. Существенно положение их изменилось с начала XX века, когда исламским лидерам удалось войти в состав четырех Государственных дум и создать свою фракцию для защиты интересов мусульманских народов.

Председатель фракции мусульман IV Государственной думы К.М. Тевкелев изыскивал возможности для сохранения культурных центров национальных меньшинств, шел на компромиссы с трудовиками и эсерами. Известны

его контакты с А.Ф. Керенским, совместные поездки в 1917 году в Туркестан и другие регионы для стабилизации недовольства мусульманского населения. Связи с лидерами политических партий способствовали регулированию взаимоотношений с противоборствующими сторонами и выработке тактики уважительного отношения к инаковерующим. В Думе Тевкелев выступал от имени депутатов нацменьшинств, требовал прекращения дискриминации, гражданского равноправия и неприкосновенности к традициям всех народов.

С прекращением полномочий IV Думы мусульманская элита возлагала надежды на Учредительное собрание. Вместе с тем исламское духовенство шло на контакты с новым правительством и старалось нормализовать взаимоотношения. Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) во главе с муфтием Галимджаном Баруди (1857–1921), своевременно заявило о признании советской власти, ее постановлений и тем самым настояло на сохранении автономии мусульман. Начало религиозной автономии мусульман было положено после Февральской революции созданием Религиозного министерства — Диния Назараты. После Гражданской войны этот орган трансформировался в ЦДУМ. В системе революционных преобразований советские органы наступали на свободы вероисповеданий и национальные традиции мусульман. В январе 1918 года для руководства мусульманскими народами, было создано Бюро коммунистов народов Востока, а для центральных районов страны — Татаро-Башкирское Уральское бюро ЦК ВКП (б) (март 1918 года).

В целях стабилизации взаимоотношений с советскими органами муфтий Баруди способствовал нейтрализации недовольства мусульманского населения нововведениями. Сложности нормализации отношений с административными органами произошли в период голода населения Поволжья в 1921–1922 годах. Правительство потребовало от муфтия организовать непосильно завышенные сборы средств с мусульман в фонд помощи голодающим. Попытки Г. Баруди отменить требования о взимании средств и без того голодающего мусульманского населения Поволжья не удалось. Он был вызван в Москву и в результате напряженных переговоров с высшим руководством окончательно подорвал здоровье и вскоре умер.

Новый муфтий Ризаутдин Фахрутдин (1859–1936) продолжил политику своего предшественника, настоятельно требовал соблюдения объявленных советской властью прав и свобод мусульман. В июне 1924 года вышло постановление президиума ЦИК РСФСР «О разрешении преподавания вероучения ислама». Данное постановление дало импульс открытию национальных школ, росту грамотности населения. В свою очередь это способствовало подготовке специалистов среднего и высшего звена в специально созданных средних специальных учебных заведениях для нацменьшинств, а также в вузах, в которые были приняты на льготных условиях группы из татар, башкир, мари, чувашей и др. В 1928 году преподавание исламского вероучения запретили, вместе с тем уничтожили фундаментальные научные сочинения

и книги, написанные арабским шрифтом. Более того, существующая арабская письменность мусульман была заменена латинской, а позже кириллицей, что привело к торможению роста грамотности мусульманского населения.

С конца 1920-х годов усилилось наступление на все религиозные конфессии. Политика государственного атеизма достигла своего пика. Проведению ее способствовала организация «Союз воинствующих безбожников», созданная по инициативе Е. Ярославского (1924). Добровольно-принудительный метод вовлечения в ячейки «безбожников» части населения, в том числе и мусульманского (организация «Дегриляр»), привел последующие поколения к отрыву от богатого пласта духовной национальной культуры, народных традиций.

Литература

1. А. М. Б. Учение о Боге // Братский вестник: журнал Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов. 1972. № 2. С. 58–63.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 453 с.
3. Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
4. Деяния Священного Собора Православной Русской Церкви. Петроград, 1918. Т. 2. 454 с.; Т. 3. 264 с.
5. Куляшов А.Г. Лекции по истории и обличению сектантства как рационалистического, так и мистического. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1913. 208 с.
6. Революция и церковь. 1919. № 1.
7. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. № 9.
8. Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. М.: Политиздат, 1924. 143 с.
9. Эристов А.Г. На Тобольском фронте борьбы с религией. Тобольск: Госиздат, 1929. 109 с.

Literatura

1. А. М. В. Uchenie o Boge // Bratskij vestnik: zhurnal Vsesoyuznogo soveta evangel'skix xristian-baptistov. 1972. № 2. S. 58–63.
2. Berdyayev N.A. Istoki i smy'sl russkogo kommunizma. M.: Nauka, 1990. 453 s.
3. Dekrety' Sovetskoj vlasti. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1957.
4. Deyaniya Svyashhennogo Sobora Pravoslavnoj Russkoj Cerkvi. Petrograd, 1918. T. 2. 454 s.; T. 3. 264 s.
5. Kulyashov A.G. Lekcii po istorii i oblicheniyu sektantstva kak racionalisticheskogo, tak i misticheskogo. Perm': Tipo-litografiya Gubernskogo pravleniya, 1913. 208 s.
6. Revolyuciya i cerkov'. 1919. № 1.
7. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva. 1917. № 9.
8. Shest' let nacional'noj politiki Sovetskoj vlasti i Narkomnac. M.: Politizdat, 1924. 143 s.
9. E'ristov A.G. Na Tobol'skom fronte bor'by' s religiej. Tobol'sk: Gosizdat, 1929. 109 s.

N.I. Muzafarova

**Religious Organizations
in the Conditions of the Russian Revolution**

The article considers the positions which were a matter of principle of the main confessional organizations in the conditions of revolutionary cataclysms in Russia. The processes of the relationship between the ROC, Muslim and sectarian organizations with government bodies with the aims to adapt and preserve their social status under the new conditions are shown.

Keywords: revolution; the Russian Orthodox Church (ROC); Islamic organizations; sectarians; the law on freedom of conscience.